

8. Цит. по: Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала, 1939–1945. – М., 2005. – С. 168–169.
9. Там же. – С. 172.
10. Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 496.
11. Dallin A. Op. cit. – P. 50–51.
12. Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 520, 522.
13. Germany and the Second World War: In 9 vols. – Oxford, 1998. – Vol.4. – P. 488.
14. Dallin A. Op. cit. – P. 52–53.
15. Залесский К.А. Вожди и военачальники третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 527–528.
16. Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 45–46.

Хайрединова З.З.

О ПРОЕКТАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ (XIX – начало XX вв.)

Возвращение депортированных народов сегодня является одной из наиболее важных и достаточно сложных политических проблем для суверенной Украины. Программа обустройства крымских татар и других депортированных народов включает в себя решение как экономических и политических вопросов, так и широкого спектра проблем духовной жизни, важнейшим элементом которой является религия.

Активный процесс возрождение ислама, начавшийся сегодня в Крыму требует активного изучения опыта деятельности мусульманских организаций Крыма с момента его распространения на полуострове в XIII веке и до момента депортации крымских татар. Сегодня на полуострове работает Духовное управления мусульман Крыма. Тем более актуальным является изучение деятельности Таврического магометанского духовного правления (ТМДП), являвшегося высшим духовным органом мусульман в период после присоединения Крыма к России.

Изучение опыта деятельности ТМДП позволит не только обобщить многовековой опыт деятельности исламских организаций полуострова, но и может оказать определенную помощь в работе органов современного духовного управления мусульман Крыма.

Неудовлетворительное состояние дел в ТМДП вынуждало государственные структуры разных уровней и мусульманскую общественность поднимать вопросы о его реформировании. Они ставились несколько раз и имели разные результаты.

Так, впервые вопрос о мусульманском духовенстве был поднят в Таврическом губернском правлении 11 января 1868 года [1]. На заседании правления, на котором этот вопрос обсуждался, для ограничения влияния духовенства на мусульманское население были предложены следующие шаги. Во-первых, предлагалось уменьшить число приходского духовенства за счет определения в соборные мечети только трех лиц – хатипа, имама и муэдзина, а в пятывременные двух – имама и муэдзина. Остальных лиц духовного звания, таких как мудерисы, оджи и шейхи, предполагалось исключить из числа духовных должностей. Во-вторых, муфтия избирать не пожизненно, а на шестилетний срок, обращая особое внимание на то, чтобы избираемое лицо «своим образованием, способностями и нравственными качествами соответствовал этому высокому сану» [2]. В-третьих, детей духовных лиц: муфтия, кади-аскера, уездных кадиев, хатипов, имамов и муэдзинов причислять к духовному званию, а от податей освободить лишь детей муфтия и кади-аскера. И, наконец, в-четвертых, признать упраздненными 754 мечети и 570 пятывременных (оставшихся без духовенства и прихожан в связи с «выходом в Турцию татар»). Более того, ТМДП предоставлялось право реализации вакуфных средств этих мечетей, а вырученные от продажи деньги предполагалось перевести в бюджет правления.

Свой проект реформирования ТМДП предложил новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. Так, в его отношении от 25 октября 1869 года за №7111 на имя министра внутренних дел Александра Егоровича Тимашева докладывалось, что для того, чтобы «достигнуть постепенного освобождения татар от невежественного и фанатичного влияния духовенства, не достаточно ограничить только состав и права служащего духовенства» [3]. Генерал-губернатор считал, что необходимы такие общие меры, которые отразились бы непосредственно на всем татарском населении. К таким мерам он предлагал следующие: во-первых, это распространение образования среди крымских татар в духе сближения их с русским населением и, во-вторых, преобразование ТМДП. Вопрос о реформировании ТМДП стал объектом внимания и на уровне генерал-губернаторства.

В целях ограничения власти духовенства Оренбургским генерал-губернатором было предложено назначение в состав духовного правления одного члена от правительства. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор считал эту меру недостаточной, утверждая, что «члену этому пришлось бы вести неравную борьбу с усвоенными учреждением привычками и обычаями» [4].

Предложения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора заключались в присоединении ТМДП к Таврическому губернскому правлению. Делопроизводство магометанского духовного Отделения он считал удобным подчинить общему порядку. Генерал-губернатор считал, что «мера эта не вызвала бы особых неудобств, так как многие дела духовного правления все равно подлежали окончательному утверждению губернского правления.

Присоединение предлагалось осуществить на 3 года, чтобы потом можно было бы сделать необходимые дополнения и изменения. Генерал–губернатор утверждал, что «нынешнее духовное правление не только не пользуется ни доверием, ни уважением татар и признается, особенно в среде образованной части мусульман–мурз, учреждением несостоятельным и несоответствующим своему назначению» [5].

Помимо всего вышесказанного, генерал–губернатор представил на рассмотрение министра внутренних дел «Проект присоединения ТМДП к Таврическому губернскому правлению» и «Проект штата Отделения магометанских духовных дел при Таврическом губернском правлении» [6].

«Проект присоединения ТМДП...» предусматривал подчинение решения дел следующему порядку. Во–первых, дела о правах и о предании должностных лиц суду, о вакуфах и об училищах должны были бы решаться на общих собраниях Губернского правления. Во–вторых, дела о назначении в уездные духовные должности лиц после рассмотрения в Губернском правлении надлежало предоставлять решать по резолюциям отделения, утвержденным губернатором. И, наконец, в–третьих, все те дела, которые не требуют предварительного рассуждения, то есть по которым не может быть «различия взглядов», предоставлять решать Отделению по резолюциям, утверждаемым муфтием, или, из–за его отсутствия или болезни, кади–аскером [7].

Таким образом, «Проект присоединения ТМДП...» четко оговаривал подчиненность дел, возникающих в правлении. Согласно этому проекту ТМДП окончательно утрачивало свою, даже частичную, автономию. Чиновники уже подсчитали, что предлагаемый «Проект штата Отделения...» обошелся бы казне в 5 тысяч 800 рублей (против 12 тысяч 250 рублей по штату 1836 года).

Таким образом, генерал–губернатор предлагал поставить ТМДП в полную зависимость от Таврического губернского правления, привести к полному надзору за действиями правления. Для него орган религиозного самоуправления мусульман должен был стать еще более бюрократившейся структурой, потерявшей всякие признаки хотя и условной, но автономности.

Однако предложения как генерал–губернатора, так и таврического губернатора не получили движения, а штаты ТМДП 1836 года не были пересмотрены. Правительство Российской империи не пошло на столь радикальные реформы в угоду чиновничьему аппарату. Их проведение могло привести к непредсказуемым результатам и взбудоражить и без того настроенное мусульманское население края.

Другая инициатива по реформированию дел в ТМДП исходила из министерства финансов. Разумеется, она касалась сокращения сумм, традиционно выделяемых на содержание правления. Так, в 1894 году при рассмотрении разработанного Особой комиссией о вакуфах проекта управления вакуфными имуществами в Крыму министр финансов внес предложения в МВД «о желательности освобождения казны от несения расходов по содержанию магометанского духовенства в Крыму» [8]. Комиссия о вакуфах представила в МВД проект штата ТМДП, по которому общие расходы на содержание правления составили бы 11 тысяч 250 рублей.

Проект штата с некоторыми изменениями был утвержден 24 мая 1904 года, а с 1 июля 1904 года был введен в действие. Некоторые изменения касались жалованья постоянным членам правления. В итоге из 11 тысяч 250 рублей на содержание ТМДП были утверждены 10 тысяч 700 рублей. Таким образом, штаты ТМДП от 1836 года были переутверждены лишь в 1904 году.

Однако больше всего вопросы кардинального реформирования ТМДП волновали самих мусульман. Они выдвигали на общественное обсуждение радикальные и довольно интересные проекты.

Впервые голоса о реформировании духовного правления, улучшении его деятельности прозвучали со страниц газеты «Терджиман–Переводчик» в 1883 году, в первый год выхода этого периодического издания. Этому вопросу была посвящена большая статья, в которой, в частности, говорилось, что «среди татар созрела идея некоторых преобразований» [9]. В основном эти преобразования касались двух моментов. Во–первых, предлагалась возможность избрания на духовную должность любого «ученого мусульманина, не стесняясь его сословием» и, во–вторых, кади–аскер и кадии избирались бы всем мусульманским населением не пожизненно, а на пятилетний срок. В другой статье редактор–издатель И. Гаспринский, продолжая затронутую тему, говорил, что мусульмане губернии «подали ходатайство об изменении к лучшему некоторых основ своего духовного управления» [10].

В ноябре 1905 года в одном из номеров «Терджимана» был поднят вопрос о переименовании Духовного правления. И. Гаспринский считал, что духовное правление, «растерявшее со времени своего учреждения до 100 тысяч десятин вакуфной земли», не сделало ровно никакого дела [11]. Мусульманское население Таврической губернии предлагало с обновлением духовного правления дать ему новое название – Мусульманское управление [12]. Однако это предложение так и осталось предложением.

Всеобъемлюще проблема реформирования органа мусульманского самоуправления крымских татар была поднята на всероссийских мусульманских съездах 1905 – 1907 гг. На этих съездах, среди прочих вопросов, была обсуждена и принята широкая программа реформирования управления духовными делами мусульман [13].

Общепризнанно, что достижения джадидистского движения на рубеже XIX – XX веков положили начало появлению русских мусульман на политической арене Российской империи. Создание либеральной партии и обсуждение на ее съездах насущных проблем мусульманского населения империи явилось важным шагом в истории развития национального самосознания тюркских народов России.

Как известно, в августе 1905 года в Нижнем Новгороде была создана либеральная партия «Русия

мусульманларнен иттифак» или «Иттифак эль муслимин» («Союз российских мусульман»). В ноябре 1905 года на втором съезде крымских татар было принято решение открыть филиал партии в Крыму под председательством Исмаила Гаспринского. С 13 по 23 января 1906 года в Санкт–Петербурге был проведен II съезд «Иттифак эль муслимин». Как и предыдущий, этот съезд проводился нелегально.

В преддверии III съезда организации «Иттифак эль муслимин» Рашид Ибрагимов, Лутфулла Исаков и Магомет–Алим Максудов подали на имя министра внутренних дел П. А. Столыпина прошение о разрешении мусульманского форума. Первый комплекс предложений касался вопросов реформирования народного образования крымских татар.

Второй комплекс пунктов предложенной программы касался вопросов конфессионального самоуправления мусульман страны. В частности, предлагалось обсудить проблемы улучшения положения мусульманского духовенства. Важным вопросом стала проблема открытого избрания духовенства: муфтиев, шейх-уль-ислама и мулл. Наконец, по мнению Р. Ибрагимова, нуждались в обсуждении вопросы борьбы с антишариатскими идеями. Они должны были быть решены исключительно путём открытого обсуждения и продуктивной дискуссии на страницах национальной прессы [14].

Предложения Р. Ибрагимова были поддержаны МВД, и III съезд «Иттифак эль муслимин» был разрешён. 17 августа 1906 года в Нижнем Новгороде открылся III съезд организации «Иттифак эль муслимин». Это был единственный легальный, разрешённый МВД форум мусульман страны.

На этом съезде для решения были поставлены следующие вопросы: во-первых, о свободе вероисповедания; во-вторых, об образовательной реформе, в-третьих, о реорганизации управлений духовными делами магометан; в-четвертых, об организации политической партии; в-пятых, об отношении к законопроектам Совета министров, которые касались мусульманского населения страны; в-шестых, финансовые вопросы и, наконец, в-седьмых, о созыве следующего съезда [15].

В президиум III съезда «Иттифак эль муслимин» были избраны наиболее известные и авторитетные общественные деятели тюрко-мусульманских народов страны. Председателем стал Али–Мардан Топчибашев; товарищами председателя (заместителями) – Исмаил Гаспринский, Рашид Ибрагимов, Галимджан Галиев, Шахайдар Сыртланов, Абдулла Апанаев, Сеит Гирей Алкин, Шахмардан Кущегулов, Эминджан Ильгамджанов, Али Искендер Ашуров. В секретариат вошли Юсуф Акчурун, Селим Гирей Джантурин, Муса Бигиев, Мустафа Ширванский и Абдулла Исметов.

Была принята и программа организации. Она состояла из 75 пунктов и касалась «весьма кардинальных вопросов общественно-государственной, просветительной, религиозной, экономической жизни» [16].

Одной из важнейших проблем, которую старались решить мусульмане на III съезде «Иттифак эль муслиман», был вопрос о радикальных реформах всех дел конфессионального самоуправления. Для подготовки данного проекта была создана специальная комиссия, состоявшая из 15 членов съезда под председательством Галимджана Галиева. В состав комиссии вошли Галиаскар Хаджиев, Ибрагим Закиев, Хайрулла Усманов, Кашафеддин Гарджиманов, Хабибрахман Масиудов, Ахмед Шакир Суюндуков, Мухамед Гата Мансуров, Ахмед Шариф Салихов, Абдрахман Расулев, Сагман Исаков, Шайхулла Шафигуллин, Джанали Аллаунгаров, Ярулла Акчурун, Салих–Ян Урманов и Абдрахман Маметов [17]. Комиссия представила съезду доклад, состоящий из 13 пунктов. Этот важный для мусульман документ был рассмотрен на одном из заседаний 19 августа.

Проанализировав содержание этой докладной записки, нужно обратить внимание на ряд наиболее принципиальных положений, свидетельствующих о потребности в кардинальных реформах, которую испытывало прогрессивное исламское духовенство.

По мнению членов комиссии, только изменение государственного законодательства о мусульманском самоуправлении могло «улучшить состояние духовенства и вместе с тем поднять религиозно–моральный уровень мусульман» [18].

Согласно этому документу, во главе всей структуры исламского конфессионального самоуправления должны были стоять муфтии. Все муфтии (два Закавказских, Оренбургский, Таврический и Туркестанский) избирались бы «по доброй и свободной воле» всех мусульман из лиц, вполне компетентных в религиозных вопросах, «безупречной нравственности и знакомых с требованиями современной жизни». Муфтиев, по предложению комиссии, надо было переименовать на «шейхуль исламов». Они избирались бы всеми мусульманами региона на 5 лет. Духовное управление при раисуль-уламу утверждал заместителей шейхуль исламов – так называемых «наибов» и кадиев. По мнению членов комиссии, раисуль-уламу надо было бы предоставить право непосредственного доклада императору о насущных проблемах мусульман страны.

Для совещаний о важных духовных вопросах жизни мусульман, для проработки руководящих разъяснений относительно противоречивых теоретических и практических положений, не меньше чем раз на год должна была бы собираться коллегия региональных муфтиев.

Непосредственному реформированию подлежали существующие в государстве региональные магометанские духовные правления (Таврическое, Оренбургское, Туркестанское и два на Кавказе). Собственно муфтиаты комиссия предлагала переименовать в «махкама-и-исламия».

В составе махкама-и-исламия, кроме шейхуль-ислама, предполагались от 3 до 6 членов коллегии и правовед-консультант с высшим юридическим образованием. Все они должны были избираться мусульманами соответствующих регионов. Ниже на условной служебной лестнице находились «губернские и уездные меджлисы – местные органы духовного управления», которые были подконтрольны махкама-и-исламия [19].

В компетенцию махкама-и-исламия должны были войти дела религии, духовного обучения и благотворительности. Согласно этому документу, они должны были решать вопросы утверждения на

должностях имамов, мудерисов, муалимов и муэдзинов, а также вопросы увольнения их с должностей. Эта категория духовенства должна иметь соответствующее конфессиональное образование, доброе поведение и характер. По мнению комиссии, они должны были получать соответствующее и достаточное содержание, а главное – быть приравнены в правах к православному духовенству [20].

Махкама-и-исламия должны были иметь право разбирать судебные дела мусульман, касающиеся брака, развода и других религиозных вопросов. Кроме того, к их непосредственным обязанностям относился контроль за строительством и открытием мечетей и медресе, надзор за их состоянием, финансовым обеспечением. Эти органы мусульманского самоуправления должны были оказывать содействие развитию учебного дела мусульман. Под контролем махкама-и-исламия оказался бы весь учебный процесс, и в особенности руководство ежегодными испытаниями в них. Предполагалось что, все конфессиональные учебные заведения подчиняются махкама-и-исламия, которые внедряют учебные программы соответственно требованиям религии и науки.

Комиссия очертила конкретные предложения к существующим мусульманским духовным правлениям. Срочно, на протяжении уже 1906 года, им вменялось предложить программу испытаний для лиц, которые добивались приходских духовных должностей. Эту программу надо было опубликовать и разослать всем мудеррисам. Контроль за выполнением этого положения был возложен на ЦК партии «Иттифак эль муслимин».

Особое внимание уделялось педагогической деятельности мудеррисов и мугалимов, нравственно-воспитательной и проповеднической работе имамов.

Обработанный комиссией проект положения был одобрен и утвержден. Председатель III съезда «Иттифак эль муслимин» высказал предложение о том, что различия, которые существуют среди отдельных исламских сект, не должны быть препятствием в деле создания общих структур для руководства духовными делами мусульман Российской империи. Даже этих расхождений партийное руководство «Иттифак эль муслимин» старалось избежать на ниве общего объединения всего мусульманского населения страны [21].

Съезд принял семь постановлений. Среди них одним из важнейших было предложение радикально реформировать систему мусульманского самоуправления в Российской империи. Кроме того, съезд просил не утверждать никаких законопроектов, касающихся религиозных вопросов мусульман до созыва Государственной Думы, о чём было сообщено в Совет министров телеграммой за подписями всего состава президиума [22].

Анализ нескольких предложений по реформированию ТМДП позволяет сделать некоторые выводы. Правительственные и административные проекты, предлагаемые государственными структурами, были призваны ограничить автономию ТМДП, сократить количество мечетей и число духовных лиц в губернии, подчинить все дела мусульман общероссийским учреждениям. Без сомнения, это свидетельствовало о попытках ужесточения политики правительства и администрации против органов духовного самоуправления мусульман Крыма. Сами мусульмане тоже ощущали потребность в кардинальном реформировании органов религиозного самоуправления. Об этом свидетельствуют несколько предложений лидера российских джадидистов И. Гаспринского. Однако наиболее радикальным и детально продуманным и проработанным проектом, без сомнения, можно считать выработанный на III съезде партии «Иттифак эль муслимин». Он является, пожалуй, одним из высших достижений общественной мысли либеральной части российского мусульманства начала XX в.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф.821, оп.8, д.605, л.36.
2. РГИА. – Ф.821. – Оп.8 – Д.605. – Л.36 (об.).
3. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.605. – Л.38.
4. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.605. – Л.41 (об.).
5. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.605. – Л.42 (об.).
6. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.605. – Л.44, 50.
7. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.605. – Л.49.
8. РГИА. – Ф.821. – Оп.8. – Д.629. – Л.7.
9. Важная инициатива //Переводчик–Терджиман. – 8 мая 1883 (13 реджеб 1300 г.) – №4.
10. Мусульмане Симферополя // Переводчик–Терджиман. – 23 мая 1883 (29 реджеб 1300 г.). – №6.
11. // Переводчик–Терджиман. –30 ноября 1905 (16 шеваль 1323 г.). – №99.
12. Kırımlı H. Kırım tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905–1916). – Ankara: Türk Tarih basımevi, 1996. – С.78.
13. Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. – С.111.
14. Национальные движения в период первой революции в России (Сборник документов из архива быв. Департамента полиции)/ Сост. И. Д. Кузнецов. – Чебоксары: Чувашское гос. Издательство, 1935. – С.229; Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года/ Пер. с татарского Мухамедова Г. под ред. Менсцера Г.Ф. – Казань: Татгиз, 1926. – С. 28.
15. III Всероссийский мусульманский съезд. – Казань: Изд-во лито-типографии И. Н. Харитонова, 1906. – С.11–14; Ганкевич В.Ю. Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа XIX – XX ст.):

Дисс... докт. истор. наук: 07.00.02.– Симферополь, 2000.– С. 95–96.

16. III Всероссийский мусульманский съезд. – Казань: Изд-во лито-типографии И. Н. Харитоновой, 1906. – С.8.
17. Там же. – С.7.
18. Там же. – С.8.
19. Там же. – С.8.
20. Там же. – С.9.
21. Там же. – С.11.
22. Там же. – С.12.

Хаяли Р.И.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В РЕПРЕССИВНО-КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В КРЫМСКОЙ АССР

Актуальность проблемы. Весомый вклад в изучение и освещение проблематики внесли крымские историки [1]. Вместе с тем репрессивная политика нуждается в дальнейшем изучении. *Цель* статьи – проследить эволюцию репрессий против крымскотатарского народа в Крымской АССР. Источниками послужили архивные документы и публикации исследователей.

Установление советской власти в Крыму обернулось массовыми репрессиями для значительной части населения, участвовавшего в белом движении, в деятельности национальных правительств и вооруженных соединений. Среди расстрелянных были и крымские татары участники вооруженных частей Крымскотатарской национальной дирекции, военнослужащие деникинской и врангелевской армий, зеленого движения. Отголоски этих событий встречаются в отдельных архивно-следственных делах. Сегодня общее количество репрессированных лиц едва ли удастся узнать.

Затишье в общественно-политической жизни Крымской АССР было коротким. Во второй половине 1920-х годов резонансным был судебный процесс по делу председателя Крым ЦИК В. Ибраимова и группой его сторонников [2]. Суд проходил в государственном драматическом театре, для чего была обеспечена охрана со стороны ГПУ и прокуратуры. На судебный процесс из различных районов Крыма направлялись делегации колхозников, рабочих, представителей интеллигенции. Ранее партийные функционеры Крымской АССР посылали ходатайства в высшие партийные инстанции в Москву о необходимости проведения процесса над В. Ибраимовым в Москве, так как в Крыму они боялись взрыва недовольства части крымских татар. В среде крымских татар процесс В. Ибраимова оценивался по-разному – от сочувствия и защиты арестованных и боязни новых репрессий против всех крымских татар, до гневного осуждения.

28 апреля 1928 г. выездная сессия Верховного суда РСФСР в составе председательствующего А. Сольца, заседателей О. Измайлова и Д. Кудрявцева, секретаря Примакова, рассмотрев в открытом Судебном заседании и руководствуясь статьями Уголовного Кодекса, приговорила Вели Ибраимова по ст.ст. 58–8, 59–3 и 2 ч.116 УК и Мустафу Абдулла по ст.ст. 59–3 и 2 ч.116 УК к высшей мере социальной защиты – расстрелу, Афуза Мухтара Факидова, Исмаила Абибуллу (Алимку) по ст.ст. 17, 58–8 и 59–3 Усена Эмир по ст.ст. 17, 59–3 УК – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, Садыка Шпана, Сулеймана Чолбаша по ст.ст. 17, 59–3 и 58–12 к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией и высылке на Соловки на три года по отбытии основной меры социальной защиты, Сеит Амета Меджитова по ст.ст. 17, 59–3 УК к трем годам лишения свободы со строгой изоляцией, Аппаза Усеинова (Гжик) по ст. 58–12 УК к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией и высылке на Соловки на три года по отбытии основной меры социальной защиты Аблякима Аппазова по ст.ст. 17, 59–3 УК к трем годам лишения свободы со строгой изоляцией, Шевкета Мустафу по ст.ст. 17, 59–3 УК, принимая во внимание службу в Красной Армии и то, что совершенные им преступления имели в значительной мере своим источником разлагающее влияние Вели Ибраимова, – к одному году меры социальной защиты, Эдема Кулянэ, Абдуллу Аджи по ст.ст. 17, 59–3 УК, принимая во внимание их незначительное участие в совершенных сообща с другими преступлениях и имея в виду боязнь невыполнения велений Ибраимова, к трем годам лишения свободы условно, Мустафу Меджитова, Мемета Сейдали (Чикчи) и Курт Сеита Османа, за недоказанностью предъявленных им обвинений, считать оправданными по суду.

Ходатайство В. Ибраимова и А. Мустафы о помиловании было отклонено. В ночь на 9-е мая приговор был приведен в исполнение.

На этом борьба с национализмом не закончилась. Одновременно были предприняты мероприятия по ликвидации Милли фирка, фактически к этому времени уже не существовавшей [3]. Всего по делу было осуждено на различные сроки 63 человека. К ответственности были привлечены – актив партии (7 человек), работники партии, связанные с Турцией (5 человек), террористическая группа (2 человека), укрыватели террористов (10 человек), бывшие контрразведчики и каратели (5 человек), сторонники партии (7 человек). В результате решения суда 16 человек были приговорены к высшей мере наказания, высланы за пределы СССР 2 человека, высланы в Сибирь сроком на 3 года 12 человек, заключены в концлагеря сроком на 3 года 12 человек, сроком на 5 лет 11 человек, сроком на 8 лет – 2 человека, сроком на 10 лет 2 человека [4]. Четверо освобождены из-под следствия. По делу прошли государственные, общественные работники, деятели культуры. В качестве превентивной меры только за ноябрь-декабрь 1928 г. из советского аппарата